

Тень отца сюрреализма

“Золотой век” Сальвадора Дали

Рязань. 2002 - 14-20 ноября - с. 7

На выставке

По странному стечению обстоятельств выставка работ отца-основателя сюрреализма в мировом искусстве – самого сеньора Дали – открылась спустя два часа после вернисажа, посвященного выставке произведений другого классика европейского искусства XX века – Анри Матисса. Однако здесь, начиная с названия “Золотой век”, все было по-другому – с нешуточным пафосом и размахом. В отличие от скромного обаяния уютных залов Пушкинского музея, буквально пропитанных благоговейным трепетом к произведениям искусства, фантазии самого эпатажного классика ушедшего века решили разместить в Музее современной истории России, очевидно, в надежде на то, что стены бывшего Музея Революции, как никакие другие, смогут сохранить бунтарский дух его революционных творений. Однако воплощение этой идеи, оригинальной самой по себе, на деле с треском провалилось, что, впрочем, не помешало, как, собственно говоря, никогда не мешало прежде и самому художнику, устроить из этой акции яркое, эпатажирующее шоу.

Заслуги организаторов, правда, были сведены почти к минимуму. А ведь они – то есть российское отделение фирмы “Гамма”, традиционного европейского производителя и поставщика различного рода красок, – полные неосфитского задора, старались как раз сделать все “как надо” и “не хуже, чем у других”. В частности, никого не смущал тот факт, что свет в одном из центральных залов экспозиции был повернут не на выставляемые экспонаты, а прямо-таки в противоположную от них сторону, к импровизированной сце-

не-подиуму, на которой среди двух сооруженных испанских раковин, красуясь в лучах прожекторов, долго хвалили друг друга организаторы, а затем девушки и юноши в экзотических лохмотьях брызгали на публику туалетной водой “Сальвадор Дали”. Не смогли разобраться с принципами музейного показа и сотрудники самого музея, для которых подобный проект также был в диковинку. Да и вообще явно не Дали был главным персонажем дня. С ним вполне успешно конкурировали снующие то тут, то там звезды отечественного шоу-бизнеса: Шура, Ф.Киркоров, Н.Андрейченко. Порой казалось, что вернисаж – это вообще апофеоз задуманного мероприятия и выставку уже на следующий день можно закрывать. Однако, узнав дату окончания экспозиции – 2 февраля, да и, наконец, в спокойной обстановке увидев ее масштабы, понимаешь, что суждение о выставке по ее вернисажной одежке глубоко ошибочно.

Ведь приехало ни много ни мало – пятьсот работ 1930 – 1980 годов из одного из крупнейших частных собраний графики Дали, принадлежащего немецкому промышленнику и коллекционеру Рихарду Майеру. Поводом и основой этой весьма представительной коллекции стала личная дружба магната и художника. Пополнялась она и после смерти Дали за счет приобретенный у частных собирателей и наследников. В итоге у Майера оказались работы, выполненные практически во всех характерных для художника техниках: гуаши, акварели, карандашные рисунки и наброски тушью 1930 – 70-х годов, редкие альбомы гравюр масте-

ра середины 1930 – 80-х, а также фигуративный жанр – скульптуры и фарфор, созданные уже на закате творчества, в 70 – 80-е годы.

Разместившиеся в нескольких залах музея творения Дали в основном представили иллюстрации к литературным произведениям Овидия и Сервантеса, Гёте и Данте, Мериме и Лорки, Кэрролла и Рабле, Фрейда и Хемингуэя. Выполненные в сложных, часто смешанных техниках на пергаменте, японской бумаге с привлечением замши, кожи рыб и рептилий, они образовывали странный и причудливый симбиоз творчества и технологии, искусства и дизайна. При этом многие произведения, заключенные в новомодные хайтечные рамки, и вовсе производили впечатление современных инсталляций в духе Энди Уорхолла, что уже было весьма любопытно, поскольку всегда осознаваемая комплиментарность творчества Дали этой своей гранью еще никогда так ярко не проявлялась. Блестящим подтверждением этого стала и серия иллюстраций из ста работ к “Божественной комедии” Данте, выполненная по заказу правительства Италии к 700-летию поэта.

Словом, такой масштабной, хаотичной, но от этого еще более “далиевской” выставки работ мастера Москва еще не видела. И возьмись за дело художественный музей с его традициями и законами, вряд ли бы увидела вообще. А значит, и в столь неприятном многим смешении музейных жанров когда-то наступает “золотой век”.

Андрей ВОРОБЬЕВ
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ